

Мухаметзянова Лилия Хатиповна

ПОНЯТИЕ "КНИЖНЫЙ ЭПОС" В МИРОВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ И ТАТАРСКИЕ КНИЖНЫЕ ДАСТАНЫ

Автор разрабатывает новую концепцию по отношению к жанру эпоса и его доминирующей разновидности в татарском народе, рассматривает вопросы, связанные с участием индивидуальных и традиционно-фольклорных начал в книжном виде жанра дастан, в свете современных представлений о книжном эпосе делает некоторые теоретические обобщения относительно характера татарского книжного дастана.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 141-144. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Итак, традиция песенных диалогов в дастане, несомненно, идет от фольклора. Это один из традиционных приемов при создании эпического текста. В то же время содержание ответов Лейли, в которых упоминаются литературно-фольклорные персонажи, говорит о связи текста произведения с индивидуальным письменным творчеством. Проникновение в сюжет дастана персонажей других дастанов – традиция, проникшая в татарский романический дастан из средневековой восточной письменной литературы в более позднюю эпоху и ставшая народным. Индивидуальное творчество и традиционное начало, тесно переплетаясь, нашли отражение в одном произведении. Такое явление в целом характерно для татарских книжных дастанов романического характера, это яркий пример присутствия в книжном дастане литературно-фольклорных элементов. Тесное слияние древнетюркских эпических традиций с литературно-письменными привело к возникновению в татарском романическом дастане своеобразного устойчивого литературно-фольклорного орнамента.

Список литературы

1. Гали К. Йосыф кыйссасы / тәүчәсе Н. Хисамов. Казан: Изд-во «Дом печати», 2008. 604 б.
2. Макаров С. С. Мифологические мотивы в олонхо П. А. Ойунского «Нюргун боотур Стремительный» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 108-111.
3. Мәхмүтов Х. Борынгылар әйткән сүзләр (VIII-XVII йөз төрки-татар ядкарларында афоризмнар). Казан: Фикер, 2002. 256 б.
4. Мухаметзянова Л. Х. Татарские книжные дастаны: взаимодействие эпического фольклора и литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 143-145.
5. Низами Г. Собрание сочинений: в 5-ти т. / пер. с фарси Т. Стрешневой. М.: Худож. лит., 1986. Т. 3. Лейли и Меджнун. 366 с.
6. Татар халык ыжаты. Дастаннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 382 б.
7. Урманче Ф. Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Т. 3. (С – Я). 199 б.

MYTHOLOGICAL AND EPIC MOTIVES IN THE ROMANTIC WRITTEN DASTAN OF THE TATARS ABOUT LEILA AND MADZHUN

Mukhametzyanova Liliya Khatipovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
lilmuhat@mail.ru

The subjects of the romantic written dastans originate in the literary sources. The author considers the Tatar folk version of the dastan about Leila and Madzhnun as a literary whole performing the role of a connector between the individual and traditional typical principles. The researcher on the basis of the presented examples reveals the folkloric essence of the Tatar written dastans.

Key words and phrases: romantic written dastan; folklore; literature; manuscript; epic tradition; image; motive.

УДК 82.512.1–131

Филологические науки

Автор разрабатывает новую концепцию по отношению к жанру эпоса и его доминирующей разновидности в татарском народе, рассматривает вопросы, связанные с участием индивидуальных и традиционно-фольклорных начал в книжном виде жанра дастан, в свете современных представлений о книжном эпосе делает некоторые теоретические обобщения относительно характера татарского книжного дастана.

Ключевые слова и фразы: фольклористика; проблема; книжный эпос; дастан; фольклорный жанр; татарское народное творчество; эпическая традиция.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, к. филол. н., доцент
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
lilmuhat@mail.ru

ПОНЯТИЕ «КНИЖНЫЙ ЭПОС» В МИРОВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ И ТАТАРСКИЕ КНИЖНЫЕ ДАСТАНЫ[©]

Книжный эпос, в котором в различной степени нашли отражение индивидуальное творчество и традиционное эпическое творчество, является одной из важных разновидностей многогранного жанра эпоса [9]. Что же входит в эту категорию, и в какой степени проблема книжного эпоса исследована учеными, занимающимися мировым эпосом?

В географическом, хронологическом, этнографическом отношении эпос – чрезвычайно масштабная область. А это, наряду с пониманием понятия книжного эпоса в широком плане, отдаляет от возможности дать конкретное определение термину и даже от понимания его лишь в одном значении. Разные фольклористы и литературоведы термин «книжный эпос» объясняют по-разному. В отношении многохарактерных эпических памятников народов, населяющих земной шар, это естественно. Ученые, исследующие эту сложную проблему, обращают внимание на тесную связь, а иногда и на некоторую переплетенность книжного эпоса с фольклором и литературными традициями [13, с. 117].

В целом то, что книжный эпос является жанром, находящимся между фольклором и высоким искусством слова или литературным произведением, сомнений ученых не вызывает. Принадлежность тому и другому – это общий признак, характерный для каждого произведения, относящегося к категории книжного эпоса.

В энциклопедиях в узком специфическом смысле по отношению к эпосу приводится понятие героического эпоса, и тут же оговаривается, что у эпоса есть две разновидности – книжная и устная. Корни и книжного эпоса, и устной формы восходят к фольклору. Книжная форма обладает свойственным ей стилистическим, а иногда идеологическим своеобразием [3, с. 530; 4, с. 514].

Когда речь идет о книжном эпосе, характерном для европейской культуры (кельтский эпос, скандинавская, англосаксонская, германская эпическая поэзия, исландские саги, карело-финский эпос), под этим термином, как правило, подразумеваются анонимные эпические произведения, дошедшие до настоящего времени только в письменном виде, или же письменные эпические памятники, составленные конкретным автором путем обработки фольклорных материалов. А в качестве восточного книжного эпоса-дастана на первый план выходят произведения, восходящие к литературному источнику, поскольку в древневосточной литературе существовала традиция сочинять на один и тот же сюжет неограниченное количество новых вариантов или назирэ, и некоторые из них приобрели статус оригинальной авторской поэмы. Под влиянием именно таких литературных поэм в народе снова и снова создавались новые варианты. Записанные из уст сказителей, но имеющие литературно-книжное происхождение, подобные памятники вправе считаться книжными дастанами. (Дастаны относятся к объемному эпическому жанру, поэтому в фольклористике и литературоведении термины «дастан» и «эпос» используются как синонимы). Одной из причин такого разногласия в определении жанра учеными востока и запада является отсутствие специального изучения данной проблемы в масштабе мирового эпоса.

Ученые, изучающие эпосы разных народов мира, книжным эпосом в целом называют эпические памятники, хронологически и географически обладающие широким диапазоном, имеющие общий для всех признак – фольклорные корни, но дошедшие до наших дней в письменной форме. С. Ю. Неклюдов, например, считает, что книжно-эпическое повествование – это полуфольклор, сохранивший некоторые признаки непосредственной записи устно пересказываемого текста [10, с. 266]. Е. М. Мелетинский также подчеркивает, что эпос имеет книжную и традиционную разновидность, считает, что книжные эпические традиции восходят к фольклору [6, с. 459]. Б. Н. Путилов указывает на принципиальные и качественные различия между «живым (устным) и книжным, письменным эпическими памятниками» [12, с. 3]. Относительно западного и восточного античного и средневекового эпоса В. М. Жирмунский использует термины «классический эпос», «эпос книжного происхождения», «народные романы», совершенно справедливо утверждает, что к пониманию классического эпоса можно прийти лишь через изучение «живого» эпоса [1, с. 632-643].

Говоря о книжном эпосе, иногда под ним подразумевают текст, который сформировался из разножанровых произведений под влиянием одного автора в объемную синкретическую эпопею. Таким образом сформировались, например, произведение карело-финнов «Калевала» [6, с. 486] или же дастан «Идегей» у поволжских татар [7].

Некоторые народы, например балканские, восточно-романские, угро-финские, тюркские, монгольские, тибетские, армянские, грузинские, осетинские, адыго-абхазские, а также народы Юго-Восточной Азии и Африки имеют прекрасные образцы устного эпоса. Но здесь нельзя не обращать внимания на следующее: у этих же народов кроме устного эпического творчества встречается эпос, сохранившийся в письменной форме. Например, знаменитая эпопея тибет-монголов, посвященная Гесеру, сохранилась в двух формах; у карело-финнов в начале XIX века сформировался один большой письменный эпос «Калевала»; тюрко-огузский «Китабе дадам Коркут» – эпос, с самого начала существовавший только в книжной форме, эстонское произведение «Каливепозг» – также эпос, имеющий лишь книжную форму. А шумеро-аккадская, древнегреческая, древнеиндийская, кельтская, германская, романская, арабская, персидская, китайская, японская эпопеи имеют только письменную форму. Например, среди них есть такие великие произведения, как «Эпос о Гильгамеше», «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», «Рамаيانа», «Младшая Эдда», «Старшая Эдда», «Боевульф», «Песня о нибелунгах», «Песня о Роланде», «История Троецарствия» и др. То, что эти памятники созданы на основе когда-то популярных в народе мифов и легенд и опираются на фольклорные принципы, в фольклористике и литературоведении неоднократно отмечалось известными фольклористами и учеными-эпосоведами.

В мировом литературоведении и фольклористике А. Н. Веселовский (1940 (1989)), В. М. Жирмунский (1958, 1960, 1962, 1974), Е. М. Мелетинский (1963, 1968, 1986, 1990), Б. Н. Путилов (1971, 1988), В. Я. Пропп (1976), П. А. Гринцер (1974), С. Ю. Неклюдов (1984, 1985), В. Н. Ярхо (2001) и др. ученые придавали большое значение фольклорным традициям в античной и средневековой книжной эпике. В 1970-х годах увидел свет новый сборник, в котором отношения между книжным эпосом и фольклором рассматриваются как важная проблема [11]. Этот коллективный труд изучил фольклорные корни книжного эпоса, материалом послужили эпические памятники Европы, Азии и Африки. В сборнике уделено большое внимание изучению стихотворной структуры и системы стиля книжного эпоса.

В фольклористике и литературоведении позднейшей эпохи проблема книжного эпоса перешла в разряд актуальных задач, наблюдается индивидуальный подход к этой теме в национальном аспекте [2; 5; 7] и др. Вне зависимости, использовались или нет в трудах последних лет термины «книжный эпос» или «книжный дастан», речь в них идет о проблемах, касающихся эпического творчества отдельных народов.

В произведениях, отнесенных мировыми эпосоведами к категории книжного эпоса, доминирует индивидуальное творчество, они пронизаны классическим философским духом и художественным идейно-эстетическим богатством, несколько отличающим их от народной философии. Данная область, вобравшая в себя понятия «письменная культура» и «фольклор», чрезвычайно широка, очень богата и сугубо индивидуальна. Индивидуальность выражается в том, что такого рода произведения могут быть у одного народа и отсутствовать у другого, одни и те же или схожие явления могут по-разному называться, в своеобразии связей этих памятников с фольклором, исторических корнях, структуре, стиле, типологии, семиотике и др.

Книжные дастаны татарского народа – одно из важнейших звеньев этой обширной области. В ряду книжных дастанов мы можем назвать «Түләк китабы» («Книга о Туляке»), «Бүз егет» («Бүз егет»), «Идегей» («Идегей»), «Таһир-Зөһрә кыйссасы» («Кысса о Тахире и Зухре»), «Ләйлә-Мәжнүн» («Лейля и Маджнун»), Сәйфелмөлөк («Сайфульмулюк»), «Чура батыр» («Чура-батыр»), «Каһарман китабы» («Книга о Кахармане»), «Күр углы» («Кур углы») и др., которые распространены в народе в различных самостоятельных вариантах. Тексты татарских книжных дастанов от традиционных дастанов, записанных из уст певцов-импровизаторов, отличаются следующими особенностями: книжные дастаны либо непосредственно создавались письменно, либо перерабатывались умелой рукой талантливой творческой личности; распространялись в виде рукописей, т.е. передача их из поколения в поколение происходила в письменной форме (сначала в виде рукописи, в книжную эпоху – в виде издания); сказитель, сказывающий текст дастана в своем варианте, был представлен под именем переписчика-информанта данного списка или под именем личности-автора [8]; возможно, что «автор» не указывался вовсе; в плане стиля, построения сюжета, подачи образов-персонажей, типологических мотивов они были обречены на некоторые книжные изменения. Следует указать две основные темы книжных дастанов татарского народа: эпос героический, который вбирает в себя архаико-героические, историко-героические и религиозно-героические произведения поэтапно, и социально-бытовой эпос романтического характера, посвященный любовно-романтическим событиям.

У татарского книжного дастана есть два источника: тюркские эпические традиции и литература Древнего Востока, т.е. эпические сюжеты татарский народ осваивал из фольклора и литературы Древнего Востока, общетюркского эпического фольклора и вносил в них свои изменения. В результате возник удивительный пласт, хронологически восходящий к глубоким корням, географически охватывающий неиссякаемое эпическое творчество и литературное наследие многих народов, связанных с татарским народом.

Краткий обзор взглядов о произведениях, изучаемых в категории книжного эпоса, позволяет сделать следующий вывод: книжным эпосом называются различные письменные эпические памятники, сохранившие в стиле, семантике, особенностях исполнения и распространения в той или иной степени традиции народного творчества, не утратившие основные признаки жанра эпоса и связь с фольклором, дошедшие до наших дней благодаря неизвестному автору или переписчику или другим путем в книжной форме в нескольких вариантах. Следовательно, книжные дастаны татарского народа являются не просто старинными татароязычными рукописями устно-поэтического творчества, но и определенным звеном в развитии жанра, а также литературы и фольклора в целом и легко вписываются в категорию «книжный эпос» в мировом фольклоре.

Список литературы

1. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.
2. Идельбаев М. Х. Изустная литература в системе башкирской словесности: автореф. дисс. ... д. филол. н. Уфа, 2001. 82 с.
3. Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. 1056 с.
4. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 753 с.
5. Масторава. На основе эрзянских и мокшанских мифов, эпических песен и сказаний написал А. М. Шаронов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. 488 с.
6. Мелетинский Е. М. Народно-эпическая литература // История всемирной литературы: в 9-ти т. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 459-486.
7. Мухаметзянова Л. Х. Дастан «Идегей»: книжная версия татар Поволжья // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. № 89. № 5. С. 71-74.
8. Мухаметзянова Л. Х. Роль информанта – носителя эпической традиции в книжных дастанах татар Поволжья в популяризации национального эпоса // Вестник Чув. ун-та. 2012. № 2. С. 337-340.
9. Мухаметзянова Л. Х. Татарские книжные дастаны: взаимодействие эпического фольклора и литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 143-145.
10. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Гл. ред. восточ. литер., 1984. 310 с.
11. Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М.: Наука, 1978. 272 с.
12. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. М.: Наука, 1988. 224 с.
13. Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: устные и книжные версии «Троецарствия». М.: Наука, 1970. 482 с.

CONCEPTION OF "WRITTEN EPOS" IN THE WORLD FOLKLORE STUDIES AND TATAR WRITTEN DASTANS

Mukhametzyanova Liliya Khatipovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
lilmuh@mail.ru

The author develops a new conception in relation to a genre of epos and its dominating variation in the Tatar people, investigates issues connected with the participation of individual and traditional folkloric principles in the written variant of dastan genre, in the light of modern conceptions about written epos draws some theoretical conclusions about the nature of the Tatar written dastan.

Key words and phrases: folklore studies; problem; written epos; dastan; folkloric genre; Tatar folk art; epic tradition.

УДК 81.1

Филологические науки

*В статье раскрываются особенности лингвокультурного феномена «брак» во французской ценностной картине мира через его репрезентанта – аксиологемы *mariage*. Автор обосновывает эффективность исследования паремиологического и афористического уровней языка для выявления основных ценностных ориентаций социума. На основе анализа пословиц, поговорок и афоризмов французского языка были выявлены основные когнитивные признаки аксиологемы *mariage*, которые являются объектами оценочных суждений во французском концептуальном пространстве.*

Ключевые слова и фразы: ценностная картина мира; социальные нормы; ценность; паремия; паремиологический фонд; аксиологема.

Набиркина Ольга Валентиновна

Воронежский государственный педагогический университет
olgavalent@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОЛОГЕМЫ «MARIAGE» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ[©]

Тенденция к изучению языка, культуры и этноса через их тесную взаимосвязь стала определяющей в развитии современной лингвистики. Особую актуальность в этом контексте приобретает развитие в языкознании аксиологического направления, в рамках которого язык рассматривается как феномен культуры, способный фиксировать и отражать систему ценностей, существующих в социуме в данное время, либо являющихся для него традиционными. Одной из главных целей лингвистических исследований в рамках аксиологии является целостное описание представлений о мире определенного социума через призму языковой картины мира, в структуре которой центральное место занимает ценностно-нормативный компонент, отражающий видение человеком мира в аспекте его интерпретирующего избирательного отношения к окружающей действительности.

Базовая система ценностей культурно-лингвистического сообщества реализуется в языке в виде ценностной (аксиологической) картины мира. Принципами ее лингвокультурологического описания выступают комплексность, многомерность и межкультурное сопоставление. Однако важнейшим принципом изучения картины мира с аксиологической точки зрения считается вербально-концептологическая репрезентативность, согласно которой ценности как феномены языка и культуры имеют когнитивную структуру и могут быть описаны подобно концептам. Е. Ф. Серебrenникова объясняет этот факт тем, что «оценивание рассматривается как естественный когнитивный процесс», так как познание мира человеком, осуществляемое через концептуализацию и категоризацию мира, несвободно от одновременного придания познаваемому объекту определенного оценочного значения [4, с. 24]. Лингвистическое описание национальных ценностей того или иного языкового сообщества через анализ конкретных культурных концептов представлено во многих работах последних лет и показывает их высокую эффективность. Обзор аксиологических исследований показывает, что концепт как структура оценочного сознания находит выражение на различных языковых уровнях. Однако, по мнению ряда ученых (О. Н. Георгиева, О. А. Дмитриева, В. А. Маслова, Ю. С. Старостина), наиболее ярко этнокультурная специфика языка раскрывается через исследование его паремиологического фонда [1; 2; 6; 7].

Под «паремиями» в нашей работе мы, вслед за В. О. Чернощековой, понимаем устойчивые в языке и воспроизводимые в речи изречения народного происхождения с синтаксической структурой предложения, которые обладают признаками традиционности, общеизвестности, дидактичности, то есть пословицы, аксиомы,